

Марксизм оказался в тупике. «Религия к сожалению сама по себе не отмирает» и ее живучесть ни в какие марксистские схемы или идейно капитулировать перед христианством, как в свое время капитулировал перед ним древний языческий мир.

А для тех, кто свободен от марксистских догм, кто признает реальное существование духовного мира и считается с мощным воздействием этого мира на земной исторический процесс, — двадцатилетний опыт Русской революции является прежде всего исключительно важным этапом в духовной жизни Русского народа. Оценить по настоящему его значение и предвидеть каковы будут его последствия пока еще невозможно. Но уже можно утверждать, что если начало революции, согласно вешему предупреждению Ключевского, знаменовало полное духовное оскудение Русского народа, доказывало, что он растерял прежде накопленное духовное богатство, то теперь, в результате двадцати лет тяжелых страданий, мучительных переживаний и глубоких переосвоений, в душах Русских людей начали накапливаться новые духовные сокровища. И если этот процесс духовного возрождения и просветления не будет остановлен, то можно ожидать, что он сильно повлияет на дальнейшее развитие исторических судеб России и не только ее одной. Весь мир сейчас находится в состоянии страшного духовного упадка, так что накопление новых духовных сил Русским народом сможет и на него оказать мощное и благотворное воздействие.

Кирилл Шевич.

Церковь и Государство

«Нормальная установка отношений государства и церкви имеет для монархии важность, перед которой бледнеют все другие вопросы государственно-общественных отношений».

Л. Тихомиров.

1. Духовный элемент в римской государственности.

«Ты можешь увидеть государство без стен, без властей, без законов, но ты никогда не увидишь государства без религии, без религиозных упражнений и жертв». Так утверждал Плутарх еще в начале 2 века нашей эры. Как историк, ученый наблюдатель и путешественник, он облачал это свое утверждение в форму незыблительной истины для общественного и политического порядка всех времен и народов.

Такое наблюдение древнего ученого особенно любопытно в том отношении, что оно формулировалось, как раз, в самую критическую переходную пору позднейшего греко-римского античного мира, во многих отношениях напоминающую наше переходное время.

Для миродержавного Рима это была пора глубокого длительного кризиса общественного, политического и нравственного. Связь с древней религией (Сагга) Римом уже была давно утрачена. В городе, правда, существовал Пантеон, но почти на правах государст-

веяного музея(1). Только в силу политических и административных соображений, в нем еще совершались «религиозные упражнения» и церемонии, но этой показной стороной, лишенной всякого глубинного содержания, религиозного смысла, уже никого нельзя было обмануть, тем более, что, для каждого правителя и вообще образованного римлянина, настоящим девизом было — *nil sibi sedere*(2). В то же время, нравственно-философская мысль, имевшая до того постоянным своим базисом знаменитую доктрину Аристотеля — общество (государство) обязано стремиться не к могуществу и богатству, а к добродетели, — теперь сомневаться в животворной силе доктрины и, устами Сенеки, формулирует безотрадный вывод — «лучше было бы совсем не родиться, а если родился, то скорей умереть».

Нас до сих пор поражают величие и размах великодержавного Рима, во внешнем масштабе почти неповторимом в истории человечества, но мы, обычно, мало знаем о том его внутреннем скрытом процессе духа, который является единственным источником для внешне формирующей энергии, общественной и государственной жизни. Пусть историки как угодно объясняют причины падения античного мира, Рим, представлявший в зените своем *orbis terrarum*, в духовном содержании уже являл пустыню; его дух, угасший в самой Италии, тем менее мог воскреснуть с приобщением огромнейших провинций(3).

«Вынужденный космополитизм римской империи, оставивший в память нам знаменитое *ius gentium*, для самой империи выразился в смешении рас, культур, нравов, религий, в напряженно-лихорадочном развитии торговли и промышленности. В замкнутую дотоле империю начинают врывать, со всех сторон, новые философские и религиозные доктрины; восточные культы, поощряемые космополитизмом, наносят удар политеизму, от которого он уже никогда не сможет оправиться, слабеет неизменно дух местной (италийской) традиции, наконец разрушается окончательно нравственный мир и без того уже достаточно поколебленный многочисленными революционными войнами и их губительными последствиями(4).

Тщетные попытки лучших римских императоров организовать верховную власть в римской государственности не осуществились. Верховная власть есть творческая сила только в том случае, когда она обосновывается на непрерываемом внутреннем авторитете, будет ли то принцип божественный, нравственный, правовой, или же, наконец, принцип непреодолимой силы. История государственной жизни Рима есть одна из наиболее показательных и поучительных для государствоведов всех времен. Например, при Цицероне сенат уже был немощным и пытался одолжаться авторитетом славного прошлого; но сенат пунических войн, выращенный на крепких кадрах патрицианской олигархии, выявлял необычайную творческую энергию и силу только потому, что патрицианская среда черпала здоровые силы из сакрального источника патриархально-суровой римской семьи. Упадок и отживание традиций патриархальной семьи характеризует переходное состояние Рима из италийского государства в *Orbis terrarum Romanum*.

В этом новом периоде императорская власть еще три века удерживает огромную империю от внутреннего распада чисто механическими средствами, но она не в силах предотвратить безудержно надвигающуюся катастрофу, ибо верховная власть императоров, до Константина Великого, не могла найти авторитетной основы для своего верховенства. Старый мир гибнет. Не разрешив проблемы высшего принципа государственной власти, самое государство становится жертвой, захваченной цепкими лапами безудержной анархии, разнузданной животной силы.

Так историческая практика величайшего государства всех времен показала, что на рационально-философских и материалистических основаниях нельзя создать прочной общественной и государственной жизни...

Такое устройство не удовлетворяет организуемую им среду, не отвечает на глубинные запросы человека и вовсе не исчерпывает его психофизической природы. (5).

2. Значение религиозного принципа в христианских государствах.

Падение античного мира относится обычно к началу Византии, восточно-римской империи, наследницы внешних форм старого Рима, но с новым их идеологическим содержанием, и знаменуется победой христианской религии в государстве.

В государственности миродержавного Рима гражданский порядок вполне эмансипировался от религиозного, т. е. был признан абсолютным началом. Гений римлян создал чисто светское правовое государство. В нем религия (*Sacra*) была низведена на роль элемента служебного, а потому вполне подчиненного непосредственным интересам и целям государства. Отсюда вытекает столь известный принцип — *religio est anella rei publicae*.

С победой христианства таким абсолютным началом, в государственной жизни, утверждается элемент религиозный.

Этот принцип открывает нам эпоху средних веков, господствует на протяжении всей этой любопытнейшей эпохи, переходит и в новое время и только с конца 18-го века начинает несколько ослабевать, под влиянием роста так называемых гуманитарных наук и ученой критики.

Последующий 19-й век представляет нам печальную, но поучительную, картину, когда «две благотворные силы человеческого духа, вера и разум, самой природой предназначенные к дружному союзнничеству и на союзе которых держится гармония и полнота духовной жизни, превратились в противоположные житейские направления, в несходные и несоизмеримые мировоззрения, даже более того, были признаны какими то враждебными стихиями света и тьмы, вечно борющимися, но одинаково ожесточенными и грозными началами добра и зла, делающими человека разорванной жертвой своей борьбы» (6).

Так определилось, к нашему времени, тяжкое и печальное наследие, в коем вера и разум, Откровение и наука стоят друг против друга, как враждебные стихии, взаимно исключают друг друга. Мы живем почти в конце второго тысячелетия христианства и фор-

мально почитаем себя стоящими на его основах, хотя все чаще и чаще подлинно вдумчивыми людьми подымается вопрос: подлинно ли мы христиане?

Сохранен ли, донесен ли до наших времен сосуд с драгоценным содержанием, переданный нам от первохристианства?

Не отошло ли и само христианство в прошлое, подобно иным фазисам истории человечества? — То есть, не есть ли оно только одно из конечных звеньев бесконечного прогресса человечества, понимать ли этот прогресс в том смысле, что ему логически нельзя поставить никакой границы, или же признавать условно возможной его историческую конечность. (7)

Вот вопросы, для нашего смутного времени, беспокойные и далеко не праздные. Конечно, для человека верующего, для человека имеющего религиозную практику, подобного рода вопросы не являются затруднительными, ему не грозит перспектива стать «разорванной жертвой» в борьбе веры и разума, но поскольку тот же человек является членом общества, поскольку общество для него необходимо, как питающая среда, между ним и обществом могут, на почве тех же вопросов, возникнуть недоуменные и даже неприязненные отношения. Если таким образом возникает борьба между обществом и коллективом и ежели последний побеждает, на манер всепоглощающего левиафана (Гоббес), то такое поглощение индивидуальности обществом надо признать «началом смерти самой коллективности.» (8)

Глубокий наблюдатель и мыслитель Карлейль, лет семьдесят тому назад, так охарактеризовал свое время: «Живой дух религии, изгнанный из официальных церквей, томится невидимо в сердцах благородных людей по новому откровению, подобно душе без тела, ищущей свою земную оболочку, — старается найти себе временные и частичные воплощения в некоторых странных формах суеверия и фанатизма. Высочайший энтузиазм человеческой природы, в иные эпохи, даже не находит своего выражения, и все же остается неуничтоженным, неустанно действующим и работает словно в великих хаотических глубинах. Так возникают секта за сектой, церковь за церковью и снова претерпевают новые метаморфозы»...

Вот суждение, остающееся в силе и для нашего смутного времени.

3. Об историческом христианстве.

В настоящее время мы имеем огромную литературу, посвященную историческому христианству. В этой литературе, начиная от Лукиана и Целза (2-й век) и кончая учеными глубоко проникновенными трудами Гарнака (20-й век), ориентироваться далеко не легко среднему человеку, который бы пожелал ознакомиться с историческим христианством, по трудам, писанным *sine ira et studio*.

«И в давние времена христианство кому было непонятно, кому ненавистно; но сделать его отвратительным и смертельно-скучным — это лишь теперь удалось,» — говорит Вл. Соловьев в «Трех разговорах». Это печальное наблюдение русского философа-христианина многозначительно для ведущей интеллигентной среды русского общества его времени, окочалась пропитавшейся духом и направлением чуждых западных идей и учений во второй половине XIX века.

Но должно сказать, что поскольку вдумчивым и объективным исследователям прошлого открывалась историческая перспектива, доступная для изучения, в ней христианство и его появление отмечались людьми науки, как нечто особое, как явление исключительного значения и силы.

Я приведу эти наблюдения в общей формулировке профессора А. С. Павлова, относящейся именно к первым пяти векам христианства: «Соответственно эмансипации гражданского порядка от религиозного в римском государстве, и религия в христианстве является абсолютным началом в человеческой жизни, освобождается от узких форм национальности и государственности. Здесь, в христианстве, Бог уже перестает быть национальным божеством, государство не поглощает, как прежде, всей личности и всей духовной жизни человека; напротив, в новой религии отдельные личности почерпают такие идеи, воззрения и чувства, в силу которых они сознают себя уже не эллинами, римлянами, иудеями или членами другой какой нации, но братьями по вере, детьми одного общего Отца небесного. Уже этот универсальный характер христианской религии доказывает, что она не есть результат естественного исторического развития, какой либо из национальных религий древнего мира, а представляет собою чудо во всемирной истории.»

«Правда, Создатель христианства, если смотреть на Него с общей исторической точки зрения, принадлежит к иудейскому народу; но Он проповедывал своим соотечественникам такое религиозное учение, что «свои его не познаша» и казнили Его позорною казнью, как разрушителя национального богооткровенного закона. Чудом в истории человечества представляется и тот факт, что первые проповедники христианства за пределами Иудеи, личные ученики Иисуса Христа, были не более, как простые рыбаки, и однако они, в сравнительно непродолжительное время, успели найти себе многочисленных последователей везде, куда только являлись они со своею проповедью о Распятом Богочеловеке Христе, Спасителе мира, основателе царства Божия на земле, хотя эта проповедь для иудеев была соблазн, а для эллинов, т. е. всех образованных язычников — безумие (1 Кор. 1, 23). Наконец, чудом в истории человечества нужно признать и тот факт, что христианская религия, несмотря на кровавые преследования, каким подверглись ее последователи со стороны государственных властей всемогущего Рима, в какие нибудь три столетия после своего возникновения сделалась господствующей в этом самом Риме. Так исполнилось предсказание одного из учеников Христовых, высказанное им, как бы в виду уже совершившегося торжества христианской религии во всем мире: «Сия есть победа, победившая мир — вера наша» (1, Иоан. 5, 4). Чем сильнее вооружалось против нее языческое государство, тем могущественнее действовала она на сердца и умы современников. Ибо, «кровь мучеников» — по меткому выражению одного из христианских писателей конца 2 века — «делалась семенем новых христиан». (9).

4. Установки отношений церкви и государства

Если рассматривать политику, как научную дисциплину, опре-

деляющую цели государства, а равно условия и способы их осуществления, то придется сказать, что в науке политики вопрос регулирования отношений духовной и светской власти в государстве остается неразработанным и вовсе не выясненным. В исторической практике прошлого он никогда не разрешался вполне удовлетворительно и поныне он остается открытым во всей его углубленности. Существует немало мнений по данному вопросу, но их можно свести в две главные и характерные группы, так как на них главным образом останавливались мысли, как государствоведов, так и ученых исследователей.

Первая стоит на точке зрения римского государственного права — *religio est ancilla rei publicae* (религия — служанка государства). Вторая, на основах восточного православия и византийской законодательной практики, признает в государстве необходимым гармоническое сочетание духовной и светской власти с уклоном, правда теоретическим, считать религиозный императив господствующим над светским. (10)

В практике христианских государств всегда можно было определить преобладание одной из этих формул, с большим или меньшим приближением к руководящему принципу.

5. Положение церкви в России.

В новой России, рождающейся к иной жизни, сразу же возникает, на ряду с другими, труднейший вопрос о взаимоотношениях церкви и государства. Решать его придется исторически, т. е. жизненно, а не на основании тех или иных теорий. Этот трудный вопрос осложнится еще и тем обстоятельством, что и сама современная православная церковь в России предстанет нашим глазам далеко не в том виде и состоянии, в каких мы ее привыкли видеть и понимать.

Свидетельство 2 века — «кровь мучеников делалась семенем новых христиан» — оказалось в силе и для нынешнего времени в нашей России. Пусть, в результате бешеного гонения большевизма, русская православная церковь потеряла миллионы своих членов, эти ее сыны легко отпали и отошли только потому, что и раньше принадлежали к ней только номинально.

Пусть разорваны и поруганы исторические ризы бытового исповедничества нашей церкви, в каких мы ее воспринимали, знали и чтим, но разве богоборческая рука, сорвав оклад и уничтожив материал образа святыни, может уничтожить самый прообраз (по словам Василия Великого) или ему повредить? В России количество потерь церкви и кровь новых мучеников дали результат совсем неожиданный и непонятный для материалистического сознания. Как свидетельствуют многие данные, подтверждаемые различными источниками, Православная Церковь в России выросла в силе духа и самособранности и, может быть, стоит теперь ближе к заветам Основателя, чем когда либо в своем историческом прошлом.

Эта новая, в духе окрепшая, сила Русской Церкви, как указывалось выше, должна, с одной стороны, осложнить разрешение отношений государства и церкви; и это потому, что при встрече го-

сударственных строителей с этой духовно окрепшей церковью, все существующие теории, а равно исторически выработавшиеся навыки окажутся мало пригодными. С другой стороны, если новыми государственными строителями будет проявлена должная чуткость и осторожность в установке отношений светской и духовной власти, та же новая сила русской церкви окажется, как и в стародавние времена русской истории, творчески организующей и спасительной силой.

6. История отношений церкви и государства в России.

В эпоху образования и развития русской государственности (киевский и московский периоды) церковные и государственные власти действовали всегда в тесном содружестве и единении, без расхождений принципиального характера. Вот что говорит, по этому вопросу, наш выдающийся историк: «Известно, что воздержание от вмешательства церкви в гражданские и политические дела — историческая особенность и политическое правило православной церкви: Божие Богови, Кесарево Кесареви. Церковь действует на особом поприще, отличном от поля деятельности государства. У нее своя территория — это верующая совесть, своя политика — обораона этой совести от греховных влечений. Но, воспитывая верующего для грядущего града, она постепенно обновляет и перестраивает и град эде пребывающий. Эта перестройка гражданского общества под действием церкви — таинственный и поучительный процесс в жизни христианских обществ».(11)

Это особое и главное поприще православной церкви вовсе не препятствовало и не мешало ей принимать участие в государственном управлении, в законодательстве, со значительной юрисдикцией по многим гражданским отношениям. Сама светская власть привлекала церковь к такой деятельности и подобное сотрудничество церкви и государства мы можем наблюдать на протяжении первых семи веков нашей государственности, до ее императорского периода. Характерно то, что за семь веков такого симбиоза в русской жизни не создалось ни почвы, ни условий, на которых обычно возникали конфликты, связанные с вопросом о приоритете между светской и духовной властью.(12)

Великая эпоха преобразований и последовавший за ней императорский период, выведя московскую Русь на международную политическую арену, при формальном бережении православной церкви на основах прежней исторической традиции, поставили церковь в такое положение, привели к такому состоянию, что уже к концу 19 века вдумчивые русские люди имели основание заговорить о безразличии в русской церкви и равно указывать на постепенное угасание ее духа.

Еще в самом начале 18 века, когда стала обозначаться внутренняя и внешняя политика молодой русской империи, образованный книжник того времени писал в защиту старой церковной традиции следующее:

«Не зело прилежала Россия к словесным наукам академиков, не изощрялась в высокоумных мудростех софистических, зато

благоревностно и неблаженно содержала здравую веру, простое благочестие и столь твердо и непоколебимо, что в такое долгое время никому не позволила замутить российское благоверие непотребными новшествами, но соблюдала в чистоте от всякого плевелоучения ниву пресветлого православия. Нет в ней города, где бы не было святого, в нетленных мощах почивающего; они соединяют земное с небесным, российских людей с самим Христом.» (13)

Пусть это апофеоз московской Руси, а сам автор повторяет знаменитого Аввакума — «не учен диалектике, риторике и философии, но разум Христов в себе имею»... — но должно отметить, что все эти ревнители древляго благочестия выступали не только против церковной реформы, но и против «духа времени». Мы не можем отказать им в некотором предвидении, или же пренебречь их опасениями, если внимательно посмотрим не только в имперский курс, но, главным образом, в тот просветительный процесс, какой проделало русское общество при ближайших преемниках Петра к началу XIX века.

Если раньше суровая петровская выучка «мореходским и сухопутским» наукам в «заграничных академиях» для невольных русских учеников протекала в привычном порядке, хотя и тяжелой, но необходимой сословной повинности «под наблюдением комиссара с инструкцией», в которой за нерадение «рукою самого монарха писан престрашный гнев и безо всякия пощады превеликое бедство». — то уже при Елизавете и особенно при Екатерине II, как имперский курс так и просвещение пошли по иному более удобному и легкому руслу. Россия, выведенная реформами великого преобразователя из китайского средостения, стала по могуществу первой державой в Европе, а потому и ее курс, по мыслям правителей, во всем должен был походить на европейские просвещенные державы. Стало быть и русское общество ничем не должно было отличаться от европейского. Все дело было «в просвещении» и им усиленно занялись, как сверху, так и снизу. Как протекал этот процесс «просвещения» хорошо известно из нашей литературы 18 в. Здесь же приведу несколько наблюдений нашего вдумчивого историка.

«В царствование Екатерины он (т. е. русский ученик) подходил к самым источникам света. По желанию самой императрицы, он посещал фернейский скит Вольтера с толпою других молодых офицеров, жадничавших видеть философа и слушать его разговоры, не минорал и «ада молодых людей», как тогда звали Париж питомцы петровской школы; бывал на ужинах, где два философа, три *dames d'esprit*, один еврей, один капеллан с православным секретарем русского посла и с швейцарским капитаном - кальвинистом сыпали *bons mots*, рассказывая анекдоты, рассуждая о бессмертии души, о пред-рассудках, о всевозможных вопросах науки, морали и эстетики»... В наше общество тогда особенно стало проникать влияние энциклопедистов и так наз. просветительной философии. «Но популярную силу этой философии составляли не столько планы построения нового порядка, сколько критика существующего, приправленная ноемешской. Наша модно - образованная публика особенно понятно воспринимала это критическое направление просветительной фило-

софни и не столько самую критику, сколько ее приправу. Подобно ночным мотылькам, которые ничего не видят при дневном свете, непривычные к размышлению умы слепо бросались на яркие парадоксы тогдашних *esprits forts* и на них сжигали последние остатки здравого смысла, уцелевшие от романов и идиллий. Развинченное ими вольное чувство, встретившись с вольною смеющеюся мыслью, спешило устранять все сдержки и преграды и, прежде всего, набросилось на простейшие нравственные связи». . . . «Тогда, по свидетельству Фонвизина, составлялись кружки молодежи, все философское упражнение которых состояло в богохульстве и кощунстве. Потеряв своего Бога, заурядный русский вольтеррианец не просто уходил из Его храма, как человек, ставший в нем лишним, а подобно взбунтовавшемуся дворовому норовил перед уходом набуянить, все перебить, исковеркать и перепачкать». (14)

Как видим из вышеизложенного, опасения ревнителей русской старины были не без оснований, а протопы Аввакумы и книжники Денисовы представляются далеко уж не такими темными «изуверами». То, чего больше всего опасались ревнители «древляго благочестия», стало исполняться: «Дух времени» властно проникал на Русь — «дом Пресвятыя Богородицы». При таких обстоятельствах, все эти новшества политики «просветительного абсолютизма» (термин данной эпохи) не могли не повлиять и не отразиться на положении русской церкви в государстве. И. С. Аксаков, выдающийся русский патриот и верующий человек, дает такую суровую и беспощадно-откровенную характеристику положения православной церкви в императорской России: (15) «Генерал - альянтские аксельбанты, которые получил в знак отличия при Павле I преосвященный Ириней, архиепископ псковский и член святейшего Синода, — многозначительно иллюстрируют отношения церкви и государства в России. Светский и даже военный знак отличия на архиепископской рясе не должен удивлять нас: он доказывает только, что основная идея нашего церковного устройства получила, со времени Петра Великого, логическое развитие...

Итак, наша церковь, со стороны ее управления, является чем то вроде конторы или колоссальной канцелярии, применяющей к делу спасения стада Христова все приемы немецкого бюрократизма и присущую ему официальную ложь. Так как церковное управление организовалось по образцу департамента светской администрации, и иерархи церкви включены были в число служителей государства, — то и вся церковь превратилась скоро в функцию светской власти, или просто пошла к государству на службу. Вместе с праками и преимуществами казны, которые русский кодекс присвоил господствующей церкви, казенный элемент проник и в ее внутреннюю жизнь.

«На вид кажется будто в церковь ввели только необходимый порялок: на самом же деле у нее отняли самую душу ее.

«Нигде так не ужасаются истины, как в области нашего церковного управления, нигде так не велико раболепство, как в нашей церковной иерархии: нигде «ложь во спасение» не практикуется на более широких началах, как именно здесь, где всякая ложь должна была бы быть ненавистной.

«Светское правительство объявлено нашими законами хранителем догматов господствующей веры и стражем доброго порядка в святой церкви. Мы и видим, как этот страж, с поднятым мечом, готов напасть на всякого нарушителя того православия, которое установлено не столько с помощью Св. Духа, сколько с помощью уголовных законов русской империи.

«Духа истины, духа любви, духа жизни, духа свободы — его то спасительного дуновения и не достает русской церкви. Если послушать защитников нашей церкви, то она представляет собою многочисленное, но неверное стадо, пастырь которого есть полиция, силою заставляющая вернуться в овчий двор заблудившихся овец. Отвечает ли подобный образ истинной идее церкви Христовой?.. А если не отвечает, то она уже не церковь Христова.

«Что же она в таком случае? Государственное учреждение, могущее быть полезным для государственных интересов, для дисциплины нравов. Но церковь — не нужно этого забывать — есть такая область, где не может быть допущено никакого нарушения нравственной основы, где никакая неверность животворящему принципу не может остаться безнаказанной; где, если лгут, то лгут не людям, а Богу.

«Если какая церковь не верна завету Христа, она делается самым ненормальным явлением в мире, осужденным заранее Словом Божиим. Церковь, составляющая часть государства, т. е. «царства мира сего», отрелась от своей миссии и должна будет разделить участь всех царств сего мира. Она не имеет в себе полной силы существования, она осуждает себя на безличие и смерть. Русская совесть не свободна в России, религиозная мысль остается инертной, и «мерзость запустения» водворяется на месте святе; дыхание смерти заменяет животворящий дух, и меч духовный — слово — покрывается ржавчиной, он заменяется мечом государства; у ограды церкви вместо ангелов Божиих, хранящих ее входы и выходы, мы видим жандарма и полицейского надзирателя — этих стражей православных догматов, этих руководителей нашей совести.»

Приведенное суждение И. С. Аксакова может теперь показаться несколько преувеличенным, а краски в нем сгущенными, это может быть, скорее, опасения, переходящие в глубокую тревогу в видах наблюдаемой им действительности, но и при таких соображениях оно остается в известной степени ценным и многозначительным. Не надо забывать, что это суждение тесно вяжется с тем общим направлением боевой публицистической деятельности, какую развили славянофилы против наших западников и, естественно, против принятого в Петербургский период общеимперского курса России. Последний, как правильно указывали славянофилы, принсенный извне, низводил русскую идею самодержавного принципа к бесоснованному, а потому и угасающему на западе — «абсолютизму» с пагандой «ужих идей и теорий» создали в общественности особый тип русского радикального интеллигента, уверовавшего в «прогресс» и идею народного самодержавия. Эта западнопоклонническая интеллигенция, по существу беспочвенная, с традицией, идущей еще

от 18 в. — планировать русское будущее по тем или иным образцам европейских «теоретиков», шла об руку с пропагандой а н т и - п р а в о с л а в и о й. Последняя, по словам Л. Тихомирова, тесно примыкавшего в свое время к радикальной интеллигенции, «неуклонно шла вперед — во всех видах ее, начиная от полного отрицания религии и кончая множеством форм рационалистического христианства, или даже мистического, но всегда антиправославного».

Н. П. Рутковский.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Такое утверждение надо считать правильным будем ли мы понимать Пантеон, как храм всех богов, или же как храм Марса и Венеры, покровителей Юлиевой фамилии, окруженных подчиненными божествами.

2. Ни во что не верить. Но Аристотелю, религиозно-мистические представления, не объяснимые разумом, отменяются, как нечто безразличное —

3. Еще Гораций в известной оде —

«Когда ветшает храм
В нем старится и бог» —

свидетельствует, что в его время в Риме обветшали уже храмы и фастарились все боги.

4. Г. Ферреро «Гибель античной цивилизации». 1920 год.

5. Вышеизложенное необходимо в качестве прагматической предпосылки к основной теме. В составлении его главными пособиями служили наблюдения историка Г. Ферреро — «Величие и падение Рима» I, II, III т.т. Москва 1915, и «Падение античной цивилизации», Берлин 1921 год.

6. В. О. Ключевский. «Западное влияние и церковный раскол». 2-ой сб. статей.

7. См. П. Новгородцев. «Об общественном идеале», гл. I.

8. См. Л. Тихомиров. III том, гл. 18.

9. Проф. А. С. Павлов. «Курс церковного права».

10. Не останавливаясь на абсолютизме Ватикана, так как ныне он остается, после богатой исторической практики, вполне теоретическим во всей своей логической заостренности. Вормский конкордат (1122 г.) — кульминационная точка притязаний омпипотенции папства. После него начинается упорная борьба светской власти за свою государственную независимость. Во Франции прагматическая санкция (1438 г.) при Карле 7-ом положила основание вольностям галликанской церкви. Разно в священной римской империи германской нации, после интенсивной борьбы (Генрих 4-ый, Фридрих 2-ой и др.), отношения церкви и государства юридически определялись конкордатами, т. е. взаимными соглашениями. Церковная реформация Лютера, исходя из отрицания абсолютизма папства, в конечном результате создала новые отношения между церковью и государством. Так называемые епископальная, территориальная и коллегияльная системы представляют собою, по существу, постепенный переход от теократического абсолютизма папства к принципу *religio est ancilla rei publicae*. Установка государства, по учению Гуго Гроция в Голландии и Тамазия в Германии, углубленная Гоббесом и Спинозой, приводят именно к такому утверждению.

11. В. О. Ключевский. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка. Второй сборник статей. 1919 г.

12. Дело патриарха Никона и его увлечение напизмом не противоречит вышеуказанному. Увлечение патриарха, в данном случае, не нашло отклика в обществе, так как «русские люди молчали», по выражению С. Ф. Платонова.

13. Семен Денисов, родився около 1683 года, написал сочинение: «Виноград российский или истории о страдальцах, за древнее благочестие страдавших».

14. В. О. Ключевский. Второй сборник статей. Петроградъ 1919. Стр. 75, 246, 247.

15. Настоящие выписки, из полного собрания сочинений И. А. Аксакова, т. 4, стр. 35-127, приведены по труду В. Соловьева — «Россия и исленская церковь». II издание, Краков 1908 г.

Мысли Русского Монархиста

Над вольной мыслью Богу не угодны
Насилие и гнет:
Она, в душе рожденная свободно,
В оковах не умрет!

Гр. А. Толстой.

Искание истины является основным и, бесспорно, самым ценным мотивом русского национального устроения. Жизнь в правде и справедливости, — вот русский национальный идеал. Но жажда правды порождает тягу ко всеобщему единству; несогласие хотя бы одного навеивает сомнение: ведь правда может оказаться на его стороне. Бесспорно справедливым является лишь то, с чем согласны все, и русскому человеку, во все времена, был чужд демократический принцип большинства и подсчет голосов при решении дел. В старину, русское вече не выявляло покорности перед волей численного большинства. Демократическое по форме, вече таило в себе не свойственное демократии содержание: стремление к правде и ко всеобщему единству. Вече приходило к единому решению не голосованием, но громогласно, а то и путем побоища, и поскольку стремилось к правде, в торжестве силы было склонно усматривать проявление суда Божьего. Своим неумением решать дела по хорошему, — без насилия, вече лишь подтверждало непригодность демократии к осуществлению справедливости единства. Стремление к единству ради установления справедливости жило в России всегда и дошло до самых последних дней: сельский сход все еще не признает за большинством права навязывать свою волю всем. Техника решения дел стала мягче, — вечевое побоище уступило место водке, но сущность осталась та же: стремление к справедливости путем установления всеобщего согласия, а не путем предпачтения большинства меньшинству.